

*Осипов А. И.,
заслуженный профессор МДА,
доктор богословия*

**1025-ЛЕТИЕ КРЕЩЕНИЯ РУСИ.
РОССИЯ И ЗАПАД: АСКЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Мы стали различными людьми. У нас один и тот же Бог, но мы перед Ним — различные люди и не можем одинаково мыслить о природе наших к Нему отношений.

И. Конгар

Время, последующее за крещением Руси, показало во всей силе, какое благо получил наш народ, приняв византийское, а не римское (латинское) христианство. Конечно, это произошло не так просто, как об этом повествует красивое сказание о выборе веры великим князем Владимиром, — не на основании какого-то поверхностного знакомства с религиозными верованиями окружающих народов, и в частности с особенностями восточного и западного христианства. Принятие Владимиром и затем всем русским народом Православия имело под собой, без сомнения, серьезные духовные причины.

Первая из них, которая явно просматривается уже в самом сказании о выборе веры, красноречиво говорит о назревшей неудовлетворенности народной религией прежде всего самого князя, его серьезном искании истины. И в решении этой трудной задачи им был избран единственно разумный метод сравнительного анализа религиозных учений. Его выбор был не каким-то спонтанным порывом или некой случайностью и произошел

Покровская академическая
конференция,
посвященная 1025-летию
Крещения Руси

10–14 октября 2013 года

не в одночасье. Этому, безусловно, предшествовала душевная борьба с привычным «свободным» образом языческой жизни, о которой точно сказал Премудрый: **мед обрет, яждь умеренно, да не како пресыщен извлюещи** (Прич. 25, 16). Этот «мед» в конечном счете заставил его задуматься над смыслом жизни. И до сих пор многие проходят тот же путь в поисках истины.

Но нельзя полагать, что такой серьезный факт, как принятие новой веры, мог быть обусловлен и просто волей одного человека. Ольга тоже была великой княгиней, и все же не она совершила религиозный перелом в народе, хотя ее влияние, безусловно, было. Причина этого события, конечно, глубже, и она лежит, как мог бы сказать биолог, в онтогенезе русской нации, который «знает», когда и как обнаружить себя с полной силой. Ведь не просто так, не случайно же почти все народы Западной Европы поняли и приняли христианство иначе, чем на Востоке, создали из евангельского первоисточника и проповеди тех же апостолов иную веру, чем, например, народы славянские.

Есть некие глубоко лежащие в каждом народе индивидуальные духовные свойства, которые в большой степени определяют направление всех сторон его жизни — не только его внешней культуры, но и выбор религии.

В настоящем случае «революция», совершенная великим князем Владимиром, говорит о том, что Православие наиболее соответствовало духу нашего народа, его открытости, великодушию, щедрости — его «все-человечности». Эту черту русского народа постоянно подчеркивал Достоевский, видя в ней особое его предназначение в мировой истории. Это его свойство органически присутствует в самом духе Православия. И в данное время наш народ созрел к его принятию.

Может быть, наиболее точно выразил эту особенность духовного склада народа русского, в отличие от европейских, глубокий мыслитель XIX в. Иван Васильевич Киреевский, который годы прожил за границей и хорошо был знаком со всей атмосферой жизни на Западе. В своей статье «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» он, в частности, писал: «...я коснулся еще одного довольно общего отличия западного человека от русского. Западный, говоря вообще, почти всегда доволен своим нравственным состоянием... Русский человек, напротив того, всегда живо чувствует свои недостатки и чем выше восходит по лестнице нравственного развития, тем более требует от себя и потому тем менее бывает доволен собою»¹.

Это наблюдение Киреевского говорит о той главной духовной характеристике русского человека, которая, по учению всех святых отцов, является единственно надежной основой принятия веры во Христа. В аскетике это состояние именуется смирением. Без него невозможно правильная духовная жизнь верующего, его духовное развитие в Церкви. Это замечательное природное свойство нашего народа, без сомнения, и явилось основной причиной избрания князем Владимиром именно православного христианства, а не западной его ветви. И последующая история показала, насколько верным оказался его выбор.

* * *

Христианство, как и все мировые религии, в своей истории перенесло различные расколы и разделения, в результате которых образовывались новые формации, подчас существенно искажавшие и веру, и духовную

¹ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 1. Калуга, 2006. С. 120.

жизнь своих последователей. Самым крупным и наиболее серьезным из них явился раскол XI в., обусловленный прежде всего тем, что римские первосвященники после многократных в истории неудачных попыток подчинить своей власти все христианские Церкви окончательно разорвали связь с ними. Так возник католицизм как обособленная от всего христианского мира Церковь со своей особой верой и особыми принципами духовно-нравственной жизни.

В силу целого ряда причин она в X столетии пришла к сильнейшему упадку нравственной и канонической жизни. Католические историки называют X в. в истории Римской Церкви темным. И он в каком-то смысле явился началом эпохи тяжелейшей деградации всех сторон ее последующей жизни: жестокой борьбы за светскую власть, кровавых крестовых походов, синкретического мистицизма, эпохи языческого Возрождения. Всё это привело к тяжелому потрясению католицизма — породило эпоху великой Реформации, уведшей из Рима едва ли не половину его членов.

Великий князь Владимир, без сомнения, многое знал о состоянии Римской Церкви. Его потомки еще более увидели ее тяжелые болезни.

Что конкретно произошло с ней, превратив ее, по выражению А. С. Хомякова, из Церкви в организованное общество одинаково верующих людей?

Кратко можно напомнить о хорошо известных догматических заблуждениях Рима: о папе и Церкви, об искуплении и оправдании, первородном грехе, *Filioque*, непорочном зачатии Девы Марии, сверхдолжных заслугах и сокровищнице святых, чистилище, о всех таинствах¹ и т. д. Особенно серьезны

¹ См., напр.: *Епифанович Л.* Записки по Обличительному богословию. Новочеркасск, 1904. С. 6–98.

искажения в учении о спасении и святости, поскольку они непосредственно касаются самой жизни каждого христианина.

Но сначала небольшое отступление о главнейшей особенности Православия. Она заключается в строгом следовании святоотеческому пониманию Священного Писания, любого положения веры, основ духовной жизни. Это основополагающий критерий истинности в Православии. Ибо святые, благодаря своей причастности Духу Святому, приобретают способность верного понимания Евангелия, возвещенных им истин веры и принципов духовной жизни. Верность святоотеческому наследию дала возможность Православию сохранить в неповрежденном состоянии как вероучение, так и понимание основ духовной жизни на протяжении двух тысячелетий.

Иная картина наблюдается в инославных конфессиях.

В католицизме, прежде всего, иной критерий истинности. Им являются определения Римского папы, которые «сами по себе, а не с согласия Церкви неизменны», то есть истинны. О том, как глубоко это заблуждение проникло в учение Католической Церкви, можно судить хотя бы по следующим двум высказываниям крупнейших католических авторитетов.

Так, возведенная папой Павлом VI в высший разряд святых — в Учители Церкви **Катарина Сиенская** (XIV в.) заявляет правителю Милана о папе: «Даже если бы он был дьяволом во плоти, я не должна возносить главу против него»¹.

А знаменитый богослов XVI в. кардинал Баллармин так разъясняет суть этого догмата: «Если бы даже

¹ *Антонио Сикари.* Портреты святых. Милан, 1991. С. 11.

папа впал в заблуждение, предписывая пороки и запрещающая добродетели, Церковь, если она не желает погрешить против совести, обязана была бы верить, что пороки — добро, а добродетели — зло. Она обязана считать за добро то, что он приказывает, за зло — то, что он запрещает»¹.

Ясно, какую огромную опасность таит в себе такой вероучительный принцип, когда истины веры и жизни Церкви определяются одним человеком, независимо от его духовного и нравственного состояния.

Настоящая трагедия Католической Церкви открывается при взгляде на характер духовной жизни ее святых. Здесь можно особенно ярко видеть глубокую пропасть, отделяющую их мистическую жизнь от духовного опыта святых Церкви первого тысячелетия — общих Востоку и Западу.

Достаточно привести несколько примеров из жизни самых почитаемых католических святых, чтобы убедиться в этом.

Вот несколько моментов из мистического опыта Учителя Церкви **Катарини Сиенской** (цитирую ту же книгу Антонио Сикари, с. 11–14). Ей 20 лет. Какой главной мыслью она живет? «Она чувствовала, что в ее жизни должен произойти решающий перелом, и продолжала истово молиться своему Господу Иисусу, повторяя ту прекрасную, нежнейшую формулу, которая стала для нее привычной: “Сочетайся со мной браком в вере!” Иисус является ей и отвечает: “Се, Я сочетаюсь с тобой браком в вере” и надевает ей на палец кольцо».

«Однажды Екатерина увидела видение: ее божественный Жених, обнимая, привлекал ее к Себе, но потом

¹ Цит. по: *Огицкий Д. П., Максим Козлов, свящ.* Православие и западное христианство. М., 1999. С. 69–70.

взял из ее груди сердце, чтобы дать ей другое сердце, более похожее на Его собственное». «И смиренная девушка начала рассылать по всему свету свои послания, длинные письма, которые она диктовала с поразительной быстротой, часто по три или по четыре одновременно и по разным поводам, не сбиваясь и опережая секретарей. Все эти письма завершаются страстной формулой: “Иисус сладчайший, Иисус Любовь”».

В письмах Екатерины бросается в глаза прежде всего частое и настойчивое повторение слов *я хочу*. «Некоторые говорят, что *решительные слова “я хочу” она в состоянии экстаза обращала даже ко Христу*».

А какие обращения позволяет она себе в переписке с самыми высокими лицами! Так, папе Григорию XI она пишет: «Говорю вам от имени Христа... Я говорю вам, отче, в Иисусе Христе... Ответьте на зов Святого Духа, к вам обращенный». А к королю Франции обращается со словами: «Творите волю Божию *и мою*»¹.

Трудно принять все это за выражение смирения, за зов *Святого Духа*.

Великий святой Католической Церкви **Франциск Ассизский** (XIII в.) сущность христианского подвига видел в сострадании (*compassio*) страданиям Христа. Его духовное состояние открывается из его молитвы «о двух милостях»: «Первая — это чтобы я... мог... пережить *все те страдания*, которые Ты, Сладчайший Иисусе, испытал в Твоих мучительных страстях. И вторая милость... — это чтобы... я мог почувствовать... *ту неограниченную любовь, которою горел Ты*, Сын Божий». Не чувство своей греховности и покаяния, а откровенные претензии на *равенство с Христом* звучат в его словах! И соответствующие результаты такой

¹ *Антонио Сикари.* Портреты святых. Т. II. Милан, 1991. С. 11–14.

молитвы не замедлили появиться. Франциск «почувствовал себя совершенно превращенным в Иисуса», и у него появились болезненные, незаживающие кровоточащие раны (стигматы) — следы «страданий Иисусовых»¹. Такого в истории Церкви никогда не было.

Природа появления стигм хорошо известна в психиатрии: непрерывная концентрация внимания на крестных страданиях Христа чрезвычайно возбуждает нервы и психику человека и при длительных упражнениях может вызывать это явление. Один из известных психиатров объясняет его природу: «Определенный интерес представляют истерические стигмы, развивающиеся иногда у некоторых верующих, истощенных непрерывными молитвами, аскетическим образом жизни. Под влиянием болезненного самовнушения у них может нарушаться кровообращение в тех участках тела, на которых сфокусировано их воображение. Подобные явления может вызвать и врач-психотерапевт с помощью гипноза. Местные воспалительные и сосудодвигательные расстройства при самовнушении больных истерическим неврозом могут возникать и в бодрствующем состоянии. Известно, что у религиозных экстатиков, живо переживающих в своем воображении казнь Христа, появлялись кровавые раны на руках, ногах, голове»².

Подмена борьбы со своим ветхим человеком мечтательными переживаниями любви к Иисусу Христу, «состраданием» к Его мукам является одной из тяжелейших ошибок в духовной жизни, которая приводила и приводит многих подвижников к сомнению, гордыне — к очевидной прелести, нередко связанной с пря-

¹ Цит. по: *Лодыженский М. В.* Свет Незримый. Пг., 1915. С. 109.

² *Кирпиченко А. А.* Психиатрия. Минск: Вышэйшая школа, 1989.

мыми психическими расстройствами (ср. проповеди Франциска птицам, волку, горлицам, змеям, цветам, его благоговение перед огнем, камнями, червями).

Сама цель жизни, которую поставил перед собой Франциск («Я трудился и хочу трудиться... потому что это приносит честь»¹, хочу пострадать за *других* и искупить *чужие* грехи²), свидетельствует о невидении им своего падения, своих грехов, то есть о его полной духовной слепоте. Не случайны его слова в конце жизни: «Я не сознаю за собой никакого прегрешения, которое не искупил бы исповедью и покаянием»³. И предсмертные слова: «Я исполнил то, что должен был исполнить»⁴.

Для сравнения приведем предсмертный момент из жизни преподобного Сисоя Великого (V в.). «Окруженный в момент своей смерти братией, в ту минуту, когда он как бы беседовал с невидимыми лицами, Сисой на вопрос братии: “Отче, скажи нам, с кем ты ведешь беседу?” — отвечал: “Это ангелы пришли взять меня, но я молюсь им, чтобы они оставили меня на короткое время, чтобы покаяться”. Когда же на это братия, зная, что Сисой совершен в добродетелях, возразила ему: “Тебе нет нужды в покаянии, отче”, то Сисой ответил так: “Поистине я не знаю, сотворил ли я хоть начало покаяния моего”»⁵. Это глубокое понимание своего несовершенства является главной отличительной чертой всех православных святых и важнейшим признаком истинности получаемых ими откровений.

¹ *Св. Франциск Ассизский.* Сочинения. М.: Изд. францисканцев, 1995. С. 145.

² Там же. С. 20.

³ *Лодыженский М. В.* Указ соч. С. 129.

⁴ Там же. С. 112.

⁵ Там же. С. 133.

А вот выдержки из «Откровений **блаженной Анжелы**»¹ — также католической святой († 1309). Дух Святой говорит ей: «Дочь Моя, сладостная Моя... очень Я люблю тебя» (с. 95). «Был Я с апостолами, и видели они Меня очами телесными, но не чувствовали Меня так, как чувствуешь ты» (с. 96). И такое открывает сама Анжела: «Вижу я во мраке Святую Троицу, и в самой Троице, Которую вижу я во мраке, кажется мне, что стою я и пребываю в середине Ее» (с. 117). Свое отношение к Иисусу Христу она выражает, например, в таких словах: «Я же от сладости Его и от скорби об отшествии Его кричала и хотела умереть» (с. 101), — и при этом она начинала в ярости бить себя так, что монахини вынуждены были часто уносить ее из костела (с. 83). Или «могла я всю себя ввести внутрь Иисуса Христа» (с. 176).

Резкую, но верную оценку «откровений» Анжелы дает один из крупнейших русских религиозных мыслителей XX в. А. Ф. Лосев. Он пишет, в частности: «Соблазненность и прельщенность плотью приводит к тому, что Святой Дух является блаженной Анжеле и нашептывает ей такие влюбленные речи: “Дочь Моя, сладостная Моя, дочь Моя, храм Мой, дочь Моя, услаждение Мое, люби Меня, ибо очень люблю Я тебя, много больше, чем ты любишь Меня”. Святая находится в сладкой истоме, не может найти себе места от любовных томлений. А возлюбленный все является и является и все больше разжигает ее тело, ее сердце, ее кровь. Крест Христов представляется ей брачным ложем...

Что может быть более противоположно византийско-московскому суровому и целомудренному подвижничеству, как не эти постоянные кощунственные заявления: “Душа моя была принята в несотворенный свет

¹ Откровения блаженной Анжелы. М., 1918. С. 83–117.

и вознесена”, эти страстные взирания на Крест Христов, на раны Христа и на отдельные члены Его тела, это насильственное вызывание кровавых пятен на собственном теле и т. д. и т. п.? В довершение всего Христос обнимает Анжелу рукою, которая пригвождена ко Кресту, а она, вся исходя от томления, муки и счастья, говорит: “Иногда от теснейшего этого объятия кажется душе, что входит она в бок Христов. И ту радость, которую приемлет она там, и озарение рассказать невозможно. Ведь так они велики, что иногда я не могла стоять на ногах, но лежала и отнимался у меня язык... И лежала я, и отнялись у меня язык и члены тела”»¹.

Не менее показателен опыт и другой великой католической святой, **Терезы Авильской** (XVI в.) (возведенной папой Павлом VI († 1978) в достоинство Учителя Церкви). Она настолько вознеслась «откровениями», что не увидела дьявольского обмана даже в таком безобразном видении, как следующее.

После многочисленных своих явлений «Христос» говорит Терезе: «С этого дня ты будешь супругой Моей... Я отныне не только Творец твой, Бог, но и Супруг»². «Господи, или страдать с Тобой, или умереть за Тебя!» — молится Тереза и падает в изнеможении под этими ласками, закатывает глаза, дышит все чаще, и по всему телу ее пробегает содрогание. «Если бы нечестивая, но опытная в любви женщина, — пишет Мережковский, — увидела ее в ту минуту, то поняла бы, что все это значит, и только удивилась бы, что с Терезой нет мужчины; а если бы и в колдовстве была эта женщина опытна, то подумала бы, что с Терезой

¹ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. Т. 1. М., 1930. С. 867–868.

² Мережковский Д. С. Испанские мистики. Брюссель, 1988. С. 88.

вместо мужчины тот нечистый дух, которого колдуны и ведьмы называют “инкубом”»¹. «Душу зовет Возлюбленный таким пронзительным свистом, — вспоминает Тереза, — что нельзя этого не услышать. Этот зов действует на душу так, что она изнемогает от желания»². Перед смертью она вновь восклицает: «О Бог мой, Супруг мой, наконец-то я Тебя увижу!»

Валаамский старец схиигумен Иоанн дает такую оценку ее духовному состоянию: «А страстный вместо обожения будет мечтатель, подобно католической Терезе»³. Не случайно известный американский психолог Вильям Джеймс, оценивая ее мистический опыт, писал, что «ее представления о религии сводились, если можно так выразиться, к бесконечному любовному флирту между поклонником и его божеством»⁴.

Еще одной иллюстрацией полной утраты католицизмом святоотеческих критериев в понимании духовной жизни являются откровения скончавшейся в 23-летнем возрасте **Терезы из Лизьё** (Терезы Маленькой, Терезы Младенца Иисуса) — последней по времени из высших католических святых. В 1997 г., в связи со столетием ее кончины, «непогрешимым» решением папы Иоанна Павла II она была объявлена Учителем (!) Вселенской Церкви. Чему она научает Церковь, об этом красноречиво свидетельствует ее автобиографическая «Повесть об одной душе». Вот несколько цитат оттуда:

«Во время собеседования, предварившего мой постриг, я поведала о делании, которое намеревалась со-

¹ Мережковский Д. С. Испанские мистики. С. 73.

² Там же. С. 69.

³ Валаамский старец схиигумен Иоанн (Алексеев). Письма о духовной жизни. Св. -Троицкая Сергиева Лавра, 2007. С. 268.

⁴ Джеймс В. Многообразие религиозного опыта / Пер. с англ. М., 1910. С. 337.

вершить в Кармеле: “Я пришла спасать души, и прежде всего — молиться за священников”»¹ (не себя пришла она спасать в монастырь, но других!).

Произнося, как кажется, слова о своем недостоинстве, она тут же пишет: «Я неизменно храню дерзновенное упование на то, что стану великой святой... Я думала, что рождена для славы, и искала путей к ее достижению. И вот Господь Бог... открыл мне, что моя слава не будет явлена смертному взору, и суть ее в том, что я стану великой святой!»² Позднее Тереза напишет еще более откровенно: «В сердце моей Матери-Церкви я буду Любовью... тогда я буду всем... и через это моя мечта осуществится!»³

Ни один из святых никогда не имел «дерзновенного упования» стать «великим святым». Макарий Великий, которого его сподвижники за редкую высоту жизни называли «земным богом», лишь молился: «Боже, очисти мя грешного, яко николиже [никогда же] сотворих благое пред Тобою».

А вот та любовь, которой живет и которой научает свою Церковь ее Учитель Тереза. «Это было лобзание любви. Я чувствовала себя любимой и говорила: “Я люблю Тебя и веряю Тебе себя навеки”. Не было ни прошений, ни борьбы, ни жертв; уже давно Иисус и маленькая бедная Тереза, взглянув друг на друга, поняли все... Этот день принес не обмен взглядами, а слияние, когда больше не было двух, и Тереза исчезла, словно капля воды, потерявшаяся в океанских глубинах»⁴.

¹ Повесть об одной душе // Символ. Париж, 1996. № 36. С. 151.

² Там же. С. 90.

³ Там же. С. 183.

⁴ Там же. С. 95.

Едва ли требуются комментарии к этому сладкому роману бедной девушки — Учителя (!) Католической Церкви. Не она в этом виновата, но та Церковь, которая воспитала ее в таком искаженном понимании духовной жизни.

На методическом развитии *воображения* основывается опыт одного из столпов католической мистики, родоначальника ордена иезуитов и великого католического святого **Игнатия Лойолы** (XVI в.). Его книга «Духовные упражнения», при которой, по его словам, «даже *Евангелие становится излишним*»¹, является настольной в католических монастырях. Воображение распятого Христа, попытка проникнуть в мир Его чувств и страданий, мысленные беседы с Распятым и т. д. — все это принципиально противоречит основам духовного подвига, как он дан в жизни святых Вселенской Церкви. Метод Лойолы приводит к полному духовному и нередко психическому расстройству подвижника, а отсюда и к каким угодно «откровениям». Вот несколько примеров из «Духовных упражнений»:

Созерцание «Первого дня воплощения Бога Слова» состоит из нескольких прелюдий. Первая прелюдия заключается в том, «чтобы *представить* себе, как будто это было перед глазами, весь исторический ход мистерии воплощения, а именно: как Три Божественные Лица Святой Троицы взирают на эту землю... как Троица Святая, тронутая страданием, решает ниспослать Слово... как... архангел Гавриил явился посланником к блаженной Деве Марии».

Вторая прелюдия состоит «в живом *воображении* местности... где живет Святая Дева».

¹ *Быков А. А.* Лойола И. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1890. С. 28.

Третья прелюдия — «это мольба о познании мною... тайны воплощения Слова...»¹.

Авторитетный сборник аскетических писаний древней Церкви «Добротолюбие» решительно запрещает такого рода «духовные упражнения», которые связаны с *воображением, представлением, беседами* с распятым Иисусом.

Они свидетельствуют, что если подвижник вместо исполнения заповедей Христовых и борьбы со своими страстями начинает жить своими мечтами, верить собственным «фильмам», то он неминуемо приходит к полному духовному и часто психическому расстройству.

В качестве иллюстрации того, как истинные святые той Церкви, к которой еще принадлежал Рим, оценивали подобные состояния, можно привести хотя бы следующие высказывания нескольких древних отцов.

Преподобный **Нил Синайский** (V в.) предупреждает: «Не желай видеть чувственно Ангелов, или Силы, или Христа, чтоб с ума не сойти, приняв волка за пасыря и поклонившись врагам-демонам»².

Преподобный **Симеон Новый Богослов** (XI в.), рассуждая о тех, кто на молитве «воображает блага небесные, чины ангелов и обители святых», прямо говорит, что «это есть знак прелести». «На этом пути стоя, прельщаются и те, которые видят свет телесными очами своими, обоняют благовония обонянием своим, слышат гласы ушами своими и подобное»³.

Преподобный **Григорий Синаит** (XIV в.) напоминает: «Никогда не принимай, если что увидишь

¹ *Лодыженский М. В.* Свет Незримый. Пг., 1915. С. 139–140.

² *Прп. Нил Синайский.* 153 главы о молитве. Гл. 115 // Добротолюбие: В 5 т. Т. 2. М., 1884. С. 237.

³ *Прп. Симеон Новый Богослов.* О трех образах молитвы // Добротолюбие. Т. 5. М., 1900. С. 463–464.

чувственное или духовное, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или ангела, или святого какого... Приемлющий то... легко прельщается... Бог не негодует на того, кто тщательно внимает себе, если он из опасения прельщения не примет того, что от Него есть... но паче похваляет его, как мудрого»¹.

Не приходится поэтому удивляться тем резко отрицательным оценкам католицизма, которые дают ему русские святые подвижники и выдающиеся мыслители.

Паисий Величковский считал, что латинство откололось от Церкви и «пало в бездну ересей и заблуждений и лежит в них без всякой надежды восстания».

Игнатий (Брянчанинов) писал, что «со времени разлучения этой церкви от Восточной она отпала в гибельную тьму ересей и впала в прелесть».

Феофан Затворник: «Дух католичества земной. Церковь у них и по-ихнему есть политическая корпорация».

Амвросий Оптинский не сомневался, что «Римская Церковь давно уклонилась в ересь и нововведение».

И т. д. Все они были единодушны в том, о чем писал еще **Марк Ефесский** (XV в.): «Мы отторгли от себя латинян не по какой иной причине, кроме той, что они еретики».

Целый ряд наших мыслителей, посвятивших немало времени знакомству с католичеством, приходили к подобным же выводам.

И. В. Киреевский оценивал католицизм, и прежде всего его богословие, как *рационализм*, не оставляющий места для жизни сердца.

А. С. Хомяков рассматривал католицизм как *родоначальника протестантизма*, устроившего бунт

¹ Прп. Григорий Синаит. Наставление безмолвствующим // Добротолюбие. Т. 5. С. 224.

против Вселенской Церкви своими догматами о папе, Filioque и др. и в результате ставшего *полудуховным государством*.

Ю. Ф. Самарин, анализируя нравственное учение католицизма, пришел к выводу, что оно стоит на тех же основах юридического понимания отношений между Богом и человеком, что и иудейская религия, и определял католицизм как *иудаизм в христианстве*.

Ф. М. Достоевский в своей «Повести о Великом инквизиторе» пронизательно увидел в католицизме и всей его церковной деятельности вполне земную, ищущую власти религиозную организацию, которая встала в прямое противостояние Христу, сказавшему: **Царство Мое не от мира сего** (Ин. 18, 36). Великий инквизитор Достоевского — это в конечном счете антихрист.

Свою идею власти над всем христианством, и в частности над Православием, католицизм не скрывает и в настоящее время. Он совсем не склонен рассматривать Православные Церкви как Церковь, равночестную себе, лишь имеющую другое каноническое устройство. В соответствии с «критерием единства и универсальности», как отметил Папа Римский **Бенедикт XVI**, универсальная (соборная) Церковь — это Католическая Церковь, она стоит над всеми христианскими общинами (церквями), которые «всегда должны согласовывать себя с ней» и «гармонизировать себя с ней».

Бенедикт XVI, будучи еще кардиналом **Йозефом Ратцингером**, префектом вероучительной конгрегации Ватикана и главным идеологом «святого престола», в специальном послании к епископским конференциям всего мира подчеркивал: выражение «Католическая Церковь — мать других христианских Церквей и не может рассматриваться как “сестра”, “Церкви-

сёстры” неприменимо к взаимоотношениям между католиками, православными и протестантами. Можно лишь говорить о Католической Церкви как таковой и *некоторых доктринах на Востоке*. По его словам, «когда речь заходит о Церкви, то имеется в виду единственная, святая, универсальная, апостольская Католическая Церковь». Ее «сестрами» могут именоваться лишь другие Католические Церкви, подчеркнул кардинал, добавив, что он выступает против «примитивного экуменизма».

Этим всё сказано, поставлены все точки над *i*, в том числе и в главном вопросе богословского диалога между православием и католицизмом — их объединении в одной истинной Церкви!

Не менее разрушительную для христианства крайность, чем католицизм, являет собой и протестантизм. Отвергнув святоотеческое предание как безусловное требование сохранения истинной Церкви и всего ее учения и провозгласив основным принципом жизни Церкви «только Писание» (*sola Scriptura*), он лишил себя объективного критерия истинности и понимания самого Писания и любой христианской истины веры и жизни. Ибо Библия, предоставленная произвольному толкованию любого отдельного человека или отдельной общины, теряет свою идентичность. **Лютер** великолепно выразил эту «свободу» протестантизма от Священного Предания, заявив: «Я не возношусь и не считаю себя лучше докторов и Соборов, но я ставлю моего Христа выше всякой догмы и Собора». Этот субъективизм стал самоубийственным оружием протестантизма. С самого своего возникновения и до настоящего времени он непрерывно распадается на десятки

и сотни различных ветвей, каждая из которых ставит *своего Христа выше всякой догмы и Собора* и в результате нередко доходит до полного отрицания основополагающих истин христианства.

Православное понимание этого вопроса, ставшего важнейшим средостением между Православием и протестантизмом, выразил святитель Игнатий (Брянчанинов): «Не сочти для себя достаточным чтения одного Евангелия, без чтения святых отцов! Это — мысль гордая, опасная. Лучше пусть приведут тебя к Евангелию святые отцы: чтение писаний отеческих — родитель и царь всех добродетелей. Из чтения отеческих писаний научаемся истинному разумению Священного Писания, вере правой, жительству по заповедям евангельским»¹. К сожалению, такое понимание отсутствует в протестантизме.

Закономерным следствием этого стало утверждение протестантизмом беспрецедентного учения о спасении «только верой» (*sola fide*). Лютер писал: «Грехи верующего — настоящие, будущие, а также прошлые — прощаются, потому что покрываются (*tecta*) или сокрываются (*absconda*) от Бога совершенной праведностью Христа и поэтому не используются против грешника. Бог не хочет вменить (*imputare*), записывать наши грехи на наш счет, а вместо этого рассматривает как нашу собственную праведность праведность Другого, в Которого мы верим», то есть Христа.

Это учение фактически исключило основную мысль благовестия Христова о том, что **Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его** (Мф. 11, 12), полностью упразднило духовную жизнь христианина.

¹ *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты. Т. 1.

В настоящее время, когда целенаправленно разрушаются основы христианской веры и нравственные устои человеческой жизни, особенно важно видеть, что христианство — это не сладкая мечтательная романтика и не самочинные библейские рассуждения, но религия, то есть стремление к единению с всесвятым Богом, достигаемое борьбой со страстями и покаянием — единственно истинным путем жизни, проложенным страдальческими стопами и всерадостным подвигом святых Православной Церкви.